

Отдых в Петергофе, 1914–1917

Игорь Гирс

Иллюстрации из «Альбома видов Петергофа» (1881)

В предыдущих номерах журнала мы публиковали воспоминания о жизни семьи Игоря Владимировича Гирса в Таллине и Гунгербурге в начале прошлого века. Сегодня предлагаем вашему вниманию рассказ, посвященный дачному отдыху в Петергофе в последние предреволюционные годы.

Павильон на Царцыном острове

С начала Первой мировой войны мы летом подряд четыре года жили на даче в Петергофе. Отец, тогда уже получивший новое назначение в Петербург, снял прекрасную дачу на Романовском (сейчас Санкт-Петербургский. — Прим. ред.) проспекте, против Верхнего парка. Дача стояла на берегу Ольгина пруда, на двух островах которого придворным архитектором Штакеншнейдером были воздвигнуты два царских павильона (Ольгин и Царцын) из розового камня. Эти острова сообщались с берегом ручной паромной переправой, которой управлял дежурный матрос Гвардейского экипажа. Красивые павильоны были нежилыми, парадные комнаты в них имели чисто декоративное назначение. Можно было, пользуясь паромной переправой, осматривать драгоценное внутреннее убранство павильонов и гулять по Ольгину и Царцыну островам. Наш сад выходил на собственную отдельную пристань на этом пруду, но лодки мы не имели, так как там было запрещено кататься на лодках.

Отец купил нам велосипеды, и мы много ездили на них: не было уголка этого чудесного Петергофа, где бы мы ни побывали. Перед дворцом Монплезир из красного

голландского кирпича была сделана выходящая на залив небольшая смотровая площадка со скамейками, обращенными на море. Вечером живущие в Петергофе любовались северным солнечным закатом, сидя на этих скамейках, или тихо прогуливались вдоль эспланады, охватывающей со стороны моря дворец. Соблюдалась благоговейная тишина, не нарушаемая громким голосом или криком. Вообще северные закаты отличаются изумительно спокойными, я бы сказал, пастельными красками. Они были непередаваемо красивы и напоминали росписи датского и голландского фарфора, несомненно, навеянные такими закатами.

За дворцом Монплезир раскинулся небольшой партерный садик со своими небольшими фонтанами, «шутейными» скамейками, поливающими садящихся на них. В нижнем саду между садиком Монплезира и Римскими фонтанами была устроена так называемая раковина для придворного симфонического оркестра, которая маскировала расположенный за ней фонтан «Солнце». Перед раковиной была выделена огороженная площадка с установленными на ней скамьями и платными нумерованными местами для любителей, приходивших специально

Самсониевский (Розовый) павильон

послушать музыку. Но основная масса публики фланировала по дорожкам парка, окружающим площадку, разговаривая во время исполнения программы, правда, негромко, не заглушая оркестр.

Меньшая часть публики сидела в экипажах, следящих друг за другом вереницей, шагом, по аллее, вдоль раковины, не выходя из них. В экипажах сидели «дамы и господа». Они раскланивались со знакомыми, и в этом заключалось их посещение концертов придворного симфонического оркестра. Очевидно, и публике, флантирующей по дорожкам парка, и сидящим в экипажах до симфонической музыки не было дела. Брат и сестра тоже ходили на музыку, боя меня с собой. Мне покупался билет, а они гуляли. Не скрою, это было для меня первое знакомство с серьезной музыкой, и, несмотря на мою молодость, я на этих концертах не скучал. Оркестранты во главе с дирижером, которым в то время был известный музыкант Гуго Варми, носили малиновые рубашки, маленькие шапочки, высокие сапоги с отворотами и брюки на выпуск. Это была их придворная форма, которую они были обязаны носить не только во время исполнения

концертов оркестра, но и в другое время. Следует сказать, что придворный оркестр после революции составил ядро симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

От Верхнего парка, или сада, тянулась трехкилометровая, прямая, как стрела, Самсониевская аллея, в то время обсаженная в четыре ряда вековыми липами. Это, собственно, была не одна аллея, а две параллельные аллеи, между которыми находился канал или канава с естественным травяным откосом. В канаве были проложены две продольные трубы, диаметром около полуметра каждая, для питания фонтанов. Левая аллея предназначалась для верховой езды, и поэтому земля на ней была взрыхлена и не утрамбована, а правая аллея была великолепно утрамбована и предназначалась для экипажей и велосипедов, а также для прогулок пешеходов. У конца Самсониевской аллеи стоял красивый Розовый павильон. Далее, на протяжении четырех-пяти километров, шло длинное, обсаженное кустами и низко опускающимися к воде ивами продолговатое озеро или пруд шириной метров сто или около этого. Вдоль его берегов были устроены дамбы, по которым, так же,

Бельведер на Бабьем гоне

как по Самсониевской аллее, катались на велосипедах. За Розовым павильоном в кустах был крутой спуск к воде, у которого стояли белая мраморная нагая купальщица и скамья. Я любил в жаркий солнечный день сидеть у воды, любоваться купальщицей и открываящейся с этого места перспективой длинного озера.

Вода для питания фонтанов поступала из ключей, расположенных на возвышенностях километрах в двадцати от конца Самсониевской аллеи или от Розового павильона, и она накапливалась в озере. Это озеро переходило в болото, в изобилии поросшее незабудками, кувшинками и другими цветами. Посередине болота были построены живописные «греческие руины», и над всей местностью господствовал так называемый Бельведер с балконом, выстроенный так же, как и Розовый павильон, архитектором Штакеншнейдером в эклектическом стиле. Павильон стоял на горе, близ деревушек, носившей странное название Бабий гон, почему эта гора и называлась Бабигонской.

Рядом с павильоном Марли располагался четырехугольный пруд размером приблизительно 100 на 100 метров. Он кишел рыбой: лещами, сазанами, речными

окунями, щуками. Рыбу ловить запрещалось; разрешалось смотреть, когда рыбку кормил придворный лакей, звонивший в колокольчик, — на звук она подплывала к стенке пруда. По моим наблюдениям, рыба, привыкшая к кормлению в определенные часы суток, просто подплывала, видя на стенке людей.

Теперь нет ни Английского парка, ни Английского дворца, в котором летом жили воспитанники Придворной капеллы, ни гранильной фабрики, ни рыбы в пруду. Все разрушено в годы революции и войны.

В 1911 г. была проведена реформа Морского ведомства в связи с подготовкой новой судостроительной программы возрождения флота, утвержденной Государственной думой в 1912 г. Для нового флота возникла потребность значительно, приблизительно вдвое, увеличить количество морских офицеров, которых выпускал Морской корпус. Считалось, что всех морских офицеров должно выпускать одно военно-учебное заведение. Это обеспечивало известную кафеторию офицерского состава и создавало, с точки зрения начальства, ряд других преимуществ. Расширять здание Морского корпуса на Неве было некуда, поэтому

Эллинг императорских катеров в военной гавани

приняли решение перенести младшие кадетские классы в Севастополь, с тем чтобы на освободившейся площади расширить старшие гардемаринские классы. Воплощая это решение, в Северной бухте Севастополя строили новое большое здание кадетских классов Морского корпуса. Их размещение в Севастополе имело ряд несомненных преимуществ, ибо позволяло проводить круглый год морскую подготовку кадетов, то есть шлюпочные учения, что было невозможно в северном Петербурге.

Реализацию предполагалось осуществить начиная с 1914 или 1915 г., когда я должен был поступить в младшие общие классы Морского корпуса в Севастополе. Но мама не хотела расставаться, хотя бы временно, со мной, в связи с чем было решено форсировать мое поступление, чтобы я поступил в корпус до его перебазирования в Севастополь. Для этого я должен был подготовиться к вступительным экзаменам, в частности, сдать ряд предметов за 4-й класс гимназии, а учитывая, что у меня были нелады с русским правописанием и грамматикой, подправить это дело. Был приглашен опытный педагог Казимир Антонович Холодецкий, который два или три раза в неделю приезжал к нам в Петергоф и руководил моей подготовкой. Кроме того, по заданию гимназического учителя русского языка я должен был за лето переписать в свои тетради всего «Тараса Бульбу» Гоголя. Так как Холодецкий был католиком и не мог готовить меня по Закону Божьему, родители пригласили священника Знаменской церкви под Петергофом готовить меня по катехизису.

Летнее время 1915 г. было у меня заполнено подготовкой к экзаменам. Каждый день до второго завтрака

я переписывал страницу из «Тараса Бульбы», потом готовил заданные Холодецким уроки, а после завтрака раза два в неделю садился на велосипед и ехал в Знаменку к священнику. Днем ездил купаться в Нижний сад, у дамбы Петергофской пристани, или катался на велосипеде по окрестностям. Так или иначе, осенью 1915 г. я благополучно сдал экзамены в младший общий класс Морского корпуса и потому летом 1916 г. снова жил с родителями на той же даче в Петергофе.

Из-за войны корпус в Севастополь не перевели, морская практика кадетов младшего общего класса была отменена, а среднего общего класса проводилась в Петергофе. Для этой цели были использованы Петергофская военная гавань и эллинги, где хранились разнообразные шлюпки: гребные катера, баркасы, шестерки и вельботы. Отец договорился с начальством корпуса, что я буду каждый день приезжать на велосипеде в гавань к подъему флага, то есть к восьми часам утра, и участвовать в шлюпочных учениях наравне с кадетами среднего общего класса. Надо сказать, что я с удовольствием занимался греблей в составе команд шлюпок различных размеров и назначения и в парусных учениях на них постиг премудрость правильной гребли вальковыми и распащенными веслами и все тонкости управления шлюпками под парусами в различную погоду, при управлении ими рулями и без рулей, с пересадкой команды, исполнением разных маневров, взятием рифов, лежанием в дрейфе и т. д. Это была хорошая школа, которая мне пригодилась впоследствии в советские годы в Морском инженерном училище, где я был старостой клубного парусного кружка.

